

С.В. Кодан

ПРЕЗУМПЦИИ ЗНАНИЯ ЗАКОНА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ФОРМИРОВАНИЕ, ЗАКРЕПЛЕНИЕ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ (XVI – НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация: В статье рассматривается процесс формирования и правового закрепления презумпции знания закона. Автор показывает ее неразрывную связь с определением требований законности, в реализации которой доступность официальной правовой информации выступало как обязательное условие. В российском праве правовознакомству и организационно-правовым механизмам обеспечения знания законов уделялось достаточно большое внимание – в XVIII – начале XX вв. был законодательно определен порядок обнародования и официального издания узаконений. Указанным вопросам и посвящена данная статья.

Ключевые слова: Юриспруденция, История государства и права России, Закон, Законность, Правовое регулирование, Презумпции, Презумпция знания закона, Обнародование закона, Издание узаконений, Систематизация законодательства

Исследование презумпции знания закона позволяет проследить различные стороны данного явления в ретроспективной проекции – показать ее закрепление в российском праве в XVIII – начале XX вв. Представляется, что историко-юридический контекст проблемы изучения презумпции правовознакомства позволит обогатить и дополнить также и теоретические представления о ней. Именно поэтому в рамках данной статьи и предполагается обратиться к изучению из одной основных общеправовых презумпций в российском праве – презумпции знания закона, ее законодательному закреплению и организационно-правовому обеспечению в истории развития российского права в XVIII – начале XX вв.

1. Зарождение презумпции знания закона подданными и служилыми людьми в российском праве

Презумпция знания закона как разновидность общеправовых презумпций имеет длительную историю. Еще римские юристы сформулировали то требование: «*Nemo ignorantia juris recusare potest*» – никто не может отговариваться незнанием закона. Не менее важной являлась и дополняющая ее презумпция «*ignorantia juris semper nocet*» – незнание законов не освобождает от ответственности. С этого времени презумпция знания закона прочно укореняется в правовом развитии различных стран. Не стала исключением в этом и Россия. С формированием российской правовой системы стали складываться пред-

посылки, а в XVIII – начале XX вв. презумпция знания закона получила не только законодательное закрепление, но и получили организационно-правовое оформление механизмы ее реализации и обеспечения. Характерно, что и народное правосознание отразило эту презумпцию в поговорках – «*Незнанием закона никто не отговаривайся*» и «*Никто неведением закона отговариваться не может*»¹.

Формирование презумпции знания закона уходит своими истоками к созданию позитивного права в Древней Руси. Оно, прежде всего, было связано с необходимостью обеспечения информацией о нормативных велениях власти формирующегося государственного аппарата и населения. Древнерусские властно-правовые предписания первоначально опирались на признаваемые властью обычаи славянских племен и по мере развития нормативно-регулирующей деятельности государства, связанной с усложнением общественных отношений, повлекло как рост числа правовых актов, так и усложнение их содержания. Это постепенно вело к тому, что формирующееся государственное управление и юрисдикционная деятельность государственного аппарата требовала ознакомление с законодательными актами как носителями властных управленческих и судебных полномочий государства, так и населением. В этот период начинает складываться механизм доведения содержания узаконений до населения. В Древней Руси эти обязанности возлагались бирючей

¹ Иллюстров И.И. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, 1904. С. 73.

(глашатах), объявлявших волю князя на площадях, а с принятием христианства и постройкой церквей последние стали местом оглашения законодательных актов. Эти же процедуры обнародования узаконений использовались и в последующее время, до начала XVIII столетия². Не менее важной с точки зрения обеспечения знания закона была и тенденция создания актов систематизации санкционированных государством обычаев правовых предписаний власти, начало которой положила Русская Правда, а затем Псковская и Новгородская Судные грамоты, Двинская и Белозерская уставная грамота. Эту же тенденцию отразило и издание Судебников 1497 и 1550 гг.³

В начале XVII в. в условиях завершившегося объединения русских земель и создания централизованного Московского государства проблема повышения роли закона и законности как инструментов социального управления все более осознается властью. Она стремится к совершенствованию законодательства и приведению его в порядок. По этому поводу Д.Я. Самоквасов подчеркнул: «Вывести Русь эпохи смутного нестроения к законному и прочному порядку государственной жизни можно было только посредством издания общеизвестного, общепризнанного и общеобязательного законодательства...»⁴.

Важным этапом во внедрении презумпции правознакомства издание Соборного Уложения 1649 г., в котором определялось – «чтоб вперед по той Уложенной книге всякие дела делати и вершить». Оно представляло собой объемное узаконение со сложной и достаточно строгой для своего времени системой построения (25 глав, 967 статей). Требование законности определяла ст. 1 – «судом судити и расправа делами по государеву указу». Закреплялся принцип обязательности русских законов и для иностранцев (ст. 1 гл. X)⁵. Соборное уложение стало первым печатным законодательным актом, которое в 1649 г. было издано дважды церковнославянским шрифтом (кириллицей) огромным для своего времени тиражом в 2400 экз. и сделало его доступным для служилых людей и подданных⁶.

² См.: *Андреевский И.* Русское государственное право. СПб.-М., 1866. Т. 1. С. 176.

³ См.: *Дювернуа Н.Л.* Источники права и суд в Древней России. М., 1869. С. 54, 60; *Самоквасов Д.Я.* Лекции по истории русского права. М., 1896. Вып. 2. С. 146-172; *Загоскин Н.П.* Курс истории русского права. Казань, 1906. Т. I; *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910; *Грибовский В.М.* Древнерусское право. Пг., 1915. Вып. I; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1905. С. 228.

⁴ *Самоквасов Д.Я.* Русские архивы и царский контроль приказной службы в XVII в. М., 1902. С. 22.

⁵ См.: ПСЗРИ-1. Т. 1. № 1.

⁶ См.: *Строев В.* Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 году. СПб., 1833. С. 1-39; *Числов П.И.* История русского права московского и петербургского периодов. М., 1902. С. 97-127; *Маньков А.Г.* Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. М., 1980. С. 53-76.

Итак, к концу XVII в. знание узаконений выступает как основа их реализации осознается верховной властью, а в деятельности Российского государства просматривается стремление организационно и информационно обеспечить служащих государственного аппарата и подданных правовой информацией. В этот период сложились предпосылки для законодательного закрепления и обеспечения реализации презумпции знания закона в последующие периоды развития российского права.

2. Законодательное закрепление презумпции знания закона в XVIII – первой четверти XIX вв.

Период XVIII – первой четверти XIX вв. в законодательном закреплении презумпции знания закона характерен постепенным определением в узаконениях как ее содержания, так и механизмов ее реализации. В этот период был накоплен массив законодательных актов, составивших базу для определения презумпции правознакомства как принципиального положения российского права.

В законодательном определении презумпции знания законов весьма характерно правление Петра I. Становясь основным средством трансляции в общество идеологических установок и воли носителя верховной государственной власти, закон в условиях укрепления абсолютизма рассматривался как связующее звено между главой государства и его подданными, как находящимися на государственной службе, так и не находящимися вне служебных отношений. Впервые презумпцию знания закона в качестве достаточно четкого правила формулирует Воинский артикул 1715 г., который предписывал изучать данное узаконение – «дабы неведением никто не отговаривался, надлежит сей артикул на смотрах, а особливо при всяком полку по единожды прочитать в неделю...». Воинский устав 1716 г. (во включенном в него Воинском артикуле) сохранил данное положение и в преамбуле подчеркнул, что данное узаконение издано для того «дабы всякий чин знал свою должность... и неведением не отговаривался»⁷. Связь обнародования узаконений с данным правилом особенно просматривается и в указе Петра I о печати и рассылке Воинского устава 10 апреля 1716 г., который предписывал: данное узаконение издать 1 тыс. экземпляров (в т.ч. 300 «на словенском и немецком языке для иноземцев нашей службе»); разослать узаконение «во все корпусы войск... и по губерниям и канцеляриям» для обнародования. В указе царь особо подчеркнул требование доведения законов до населения и обеспечения им знания законов «дабы неведением никто не отговаривался»⁸.

⁷ ПСЗРИ-1. Т. 5. № 3006. Преамбула.

⁸ ПСЗРИ-1. Т. 5. № 3010.

В качестве подтверждения связи презумпции знания закона с безусловностью требования соблюдения узаконений весьма характерны и ряд законодательных актов Петра I. На это он обращал внимание в именном указе «О наказании за преступление против опубликованных указов» от 9 февраля 1720 г., объявленным царем Канцелярии полицмейстерских дел Петербурга, а от нее всем столичным жителям, а затем и всему населению страны. Данный законодательный акт детализировал определение презумпции знания законов и связывал ее с требованием соблюдения законоположений и официальным обнародованием узаконений. Главой государства указывалось «объявить всенародно», что «в минувших годах ... его величества указы о разных делах публикованы, и впредь публикованы будут в народ, что по оным исполнение чинили, как в тех указах предложено будет». Далее указ предписывал – кто в какое преступление впадет, против опубликованных указов, а другой ведая про те указы, но смотря на других, тоже станет делать, или, ведая не известит, тот будет без пощады казнен или наказан, как в тех опубликованных указах за преступление объявлено, не ставя то ему в оправдание, что смотря на другого чинил, чего для надлежит всякому проступать по указам, и хранить оные, и чтоб впредь никто неведением не отговаривался»⁹.

В отношении осознания властью проблем взаимосвязи законности, презумпции знания закона и реализации законодательных предписаний весьма важен и указ Петра I от 17 апреля 1722 г., изданный в связи с казнью сибирского губернатора кн. Гагарина за злоупотребления и хищения казенного имущества и направленный на «хранение прав гражданских». В нем император обращал внимание на то, что «ничто так к управлению государством нужно есть как крепкое хранение прав гражданских», и предупреждал, что законы нельзя не хранить и ими «играть как в карты», и определил законность в качестве незыблемого принципа деятельности государственного аппарата: «Того ради сим указом, яко печатью, все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не держал иным образом дела вершить и располагать не против регламентов», и запрещал при наличии узаконения на дело «требовать на то указа, и тем сочинить указ на указ, дабы в мутной воде удобнее рыбу ловить». При этом данный указ предписывал: если в законах, «регламентах покажется темно, или дело, что на оное ясного решения не положено: такие дела не вершить, ... но приносить в Сенат выписки»¹⁰.

Презумпция знания закона последовательно распространялась верховной властью и на чиновничество, что отразило петровские реформы в сфере реформирования и

организации государственной службы. Царский указ «О должности Сената» 1718 г. требовал от сенаторов знания и соблюдения узаконений и особо обращал внимание на то, что «презрение указов ничем рознится с изменою» и даже более опасно, поскольку, «услышав измену, всяк остережется», а несоблюдение законов приведет к тому, что «мало по малу все разорится, и люди в непослушании останутся», поэтому «ничто иное, токмо общая погибель следовать будет...»¹¹ 22 января 1724 г. Петр I именовым указом «О важности государственных уставов и неотговорке судьям неведением законов по производимым делам под опасением штрафа» подчеркивает значение знания законодательства чиновниками. Император указывает, что «надлежит обретающимся в Сенате, Синоде коллегиях и во всех судных местах всего государства, ведать все государственные уставы и важность их, яко первое и главное дело, понеже в том зависит правое и незорное управление всех дел, и каждому для содержания чести своей и убегания от впадения неведением, в погрешение и в наказание должно». Далее царь, ссылаясь на отговорку ряда сенаторов незнанием ранее оглашенного закона и отсутствие принятия ссылок на узаконения генерал-прокурора при рассмотрении в Сенате дела о казнокрадстве сановника графа П.П. Шафирова в октябре 1722 г., определил нормы об ответственности государственных служащих за незнание закона: «И дабы впредь никто неведением о государственных уставах не отговаривался ..., и для того отныне, ежели о каком указе где при каком деле помянуто будет, кто не возьмет того указа смотреть и пренебрежет, а станет неведением после отговариваться: таких наказывать впервые отрешение от чина на время и штрафу, год жалования, в другой ряд третью долею всего движимого и недвижимого имущества, в третий раз лишением всего имущества и чина вовсе»¹². В развитие этого узаконения Сенат 25 сентября 1724 г. указом «О должностях коллежских чинов и служителей» указал «прибавить в прокурорскую должность, чтобы регламенты так накрепко во всем, как Воинский регламент, и смотреть накрепко за всеми членами и подчиненными, и чтобы, выбрав из регламента, читать так, как солдатам и матросам читают». Прокурорам все уровней предписывалось следить, чтобы во всех присутственных местах их «члены о своей должности, так и канцелярские служители о содержании всяких дел и писем, выписав из Генерального регламента, читали, как то чинится для всегдашнего вразумления в должности солдатской чтением и ведением их Воинских артикулов, дабы впредь неведением не отговаривались»¹³.

¹¹ ПСЗРИ-1. Т. 5. № 3264. П. 12.

¹² ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4436.

¹³ ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4572.

⁹ ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3510.

¹⁰ ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3970.

Обнародование издаваемых законодательных актов становится обязательным элементом законодательного процесса. Законодательную базу положений об обнародовании узаконений составили узаконения Петра I. Указ «О обнародовании всех именных указов и сенатских приговоров по государственным генеральным делам» от 16 марта 1714 г., предписывал: «Которые его царского величества именные указы ... сенатские приговоры состоятся о всяких государственных генеральных делах, а надлежат ко всенародному объявлению, и те указы, ... посылати по прежнему в губернии к губернаторам и в приказы к судьям, а для всенародного объявления велети в типографии печатать и продавать всем, дабы были о том ведомы»¹⁴. 27 апреля 1722 г. последовал указ «О должности Сената», в котором предписывалось рассылать для исполнения указы исполнителям с указанием: «Чтоб такое было, чтоб возможно то сделать», а также штрафовать за просрочку рапорта об исполнении (100 руб. с увеличением кратности по просроченным месяцам до четырех, а после пяти ссылать на вечную каторгу на галеры, «ежели законных причин не доложит»)»¹⁵.

По вопросам информационного обеспечения государственного аппарата и подданных официальными текстами изданных узаконений следуют указы Петра I: 11 мая 1719 г. – «о чем какие его царского величества именные указы в коллегиях или Санкт-Петербургской губернии и городской канцелярии состоятся, а касаются правлению или ведению сенатскому (кроме тайных дел), с тех всех указов, для известия, в сенат копиями за руками, того же числа» и от 14 мая 1723 г. – «когда от его величества которой коллегии или канцелярии присланы будут письменные, или по словесным его величества приказам записаны указы, и о тех указах немедленно для ведома объявить в Сенате, чтоб, за неизвестием о таковых указах, не происходило в делах помешательства»¹⁶. Указ от 10 августа 1724 г. определил механизмы сосредоточения изданных узаконений в Сенате: «Все его величества указы, которые состоялись в прошедшие времена не временные, но в регламенты надлежащие, разобрать, и на которое одно дело не один указ, снести в один, и когда от его величества апробированы будут, и оные напечатать и прикладывать к регламентам, куда надлежат». Для обеспечения наведения порядка в узаконениях было предписано: «Ежели в некоторых коллегиях обретаются его величества именные указы, которые состоялись в прошлых годах в бывшей Ближней канцелярии, также и в других приказах и канцеляриях до состояния Сената и коллегий, а подлежат оные к вечному установлению, а не временные: с тех подать в Сенат точные

копии за судейскими руками без замедления, дабы за неведением каких его величества указов упущено не было»¹⁷.

При Петре I началась и публикация узаконений в сводном виде. Император указом 29 апреля 1720 г. предписал все изданные указы классифицировать, «разбирать на двое: которые временные (правоприменительные. – С.К.) в особливую книгу, а которые в постановление какого дела (нормативные, дополняющие прежде изданные узаконения. – С.К.) припечатывать, а именно: что надлежит до коллегии, то в регламент коллегии, а что к уставу или артикулам и прочим делам, в регламент, а не на время: оные припечатывать по все годы к оным книгам»¹⁸. В соответствии с данным распоряжением были изданы указы отдельными книгами по годам за 1714-1720 гг., а затем издавались узаконения по прошествии года (издавались до 1730 г.). Издания узаконений, хотя и непоследовательно, продолжилось и в последующие правления.

В плане обеспечения информированности служащих государственного аппарата и подданных и контексте обеспечения презумпции знания закона необходимо рассматривать и начавшиеся в петровское правление начинаются работы по систематизации законодательства. Еще указом Петра I от 6 июня 1695 г. повелел приказам выписать имеющиеся или подготовить новые статьи для восполнения пробелов в Соборном уложении и дополнявших его «новоуказных статей»¹⁹. 18 февраля 1700 г. последовал царский указ об учреждении специального учреждения для создания нового общегосударственного кодекса – Палаты об Уложении (Уложенную палату), которая должна была подготовить новое обобщающее узаконение на основе Соборного уложения и последовавших после него узаконений²⁰. Но данное учреждение, как и все девять подобных учреждений в XVIII в., успеха не имели.

Правления 1720-1790-х гг., в законодательное закрепление презумпции знания закона принципиальных изменений не внесли, но механизмы их реализации получили дальнейшее развитие. Особенно большое значение в этом плане имело царствование Екатерины II, когда вопросы определения легальности и легитимности власти приобрели решающее значение в политике и практике деятельности верховной власти. Императрица в указе о создании Комиссии для сочинения проекта нового Уложения от 14 декабря 1766 г. указывала на необходимость «узаконить таковые государственные установления, по которым бы правительство любезного отечества в своей силе и надлежащих границах течение свое имело так, что и в потомки каждое государственное место имело свои преде-

¹⁴ ПСЗРИ-1. Т. 5. № 2785.

¹⁵ ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3978. Ст. 8.

¹⁶ ПСЗРИ-1. Т. 5. № 3372; ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4224. П. 8.

¹⁷ ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4547.

¹⁸ ПСЗРИ-1. Т. 4. № 3574.

¹⁹ ПСЗРИ-1. Т. 3. № 1513.

²⁰ ПСЗРИ-1. Т. 4. № 1765.

лы и законы к соблюдению доброго во всем порядка»²¹. Екатерининская позиция по поводу роли закона и законности была обозначена в ее «Наказе Комиссии о составлении проекта Нового уложения» (1767 г.).

С первых лет правления Екатерины II достаточно большое внимание властью уделялось укреплению законности. В Наставлении губернаторам от 21 апреля 1764 г. императрица предписывала чиновников и судей «нерадивых о должности своей, или порочных людей приметить, ... понуждать и исправлять их разными в законах изображенными образы; а в случае безнадежного исправления имеет власть отрешить от места»²². Обращалось внимание и вопросы информированности подданных об изданных узаконениях и обеспечению их достоверности. Именной указ 17 марта 1764 г. подчеркивал, что «простой народ ... нередко обманываем бывал списками ложных от ее императорского величества и от сенатов указов, которые вымышляются и составляются единственно от злых людей» и которые народ приводят «в неизвестность и смущение». Императрица решила истребить «зло в самом корне» и «единожды навсегда освободить подданных ... от всяких впредь подобных», для чего повелела Сенату объявить, что «отныне никакие указы и манифесты для всенародного сведения и исполнения, от имени ее императорского величества собственно, или от Сената издаваемые, не должны быть признаваемы за действительные, кроме печатных». Указалось узаконения «обнародовать обыкновенным образом, печатными на публичных местах прибываемыми и в церквях прочитываемыми листами во всех провинциях империи»²³.

Большое значение в обеспечении реализации презумпции знания закона имели Учреждения для управления губерний от 7 ноября 1775 г., которые указывали: «Правление (губернии) наместническое есть то место, которое ... обнародывает и объявляет повсюду в подчиненных оному областях законы, указы, учреждения, повеления и приказания императорского величества, и выходящие из Сената и из прочих государственных мест, на то власть имеющих»²⁴. Устав благочиния от 8 апреля 1782 г. возложил на полицию надзор за соблюдением порядка обнародования узаконений и подчеркнул, что управа благочиния не взыскивает с людей исполнения, если закон не обнародован». Устанавливался и надзор за распространением ложных «узаконений» и указывал, что «управа благочиния не дозволяет в городе гражданину вчинять новизну в том, на что узаконение есть; всякую же новизну, узаконению противную, пресекает в самом

начале». Характерно и то, что Устав благочиния 1782 г. предусмотрел обеспечение знания закона подданными через определение процедур его обнародования, а управам и руководителям подразделений центральных и местных государственных органов предписал: своим подчиненным «читать и перечитывать узаконения и учреждения, ... дабы ... учились известнее и в памяти возобновлялось положенное на них»²⁵. Сенатский указ от 2 мая 1783 г. развил положения Устава благочиния «в пресечение всякой новизны узаконению» и предписала производить публикацию узаконений, «кои для народного сведения публикуются от наместнического правления в городах через городничих и управу благочиния, а в уездах через земских исправников и нижние земские суды», только «печатными листами», а также чтобы «никаким под именем манифестов и указов письменным спискам, яко пасквилям, многократными указами запрещенным, никто не верил, с тем подтверждением, чтоб впредь с таковыми ложными и вредными сочинениями поступаемо было по силе прежде опубликованных о том указов непременно»²⁶.

Особенно четко правовое оформление требования соблюдения законов и обеспечение реализации требования знания закона чиновничеством и подданными просматривается в правление Александра I. Указ Сенату «О непроступлении губернаторами пределов власти, назначенной им законами» от 16 августа 1802 г. подтвердил безусловность требования к чиновникам «о точном исполнении законов» и «решении дел на точной силе и по словам законов»²⁷. В указе от 21 марта 1803 г. монарх говорит о «сохранении прав каждого состояния»²⁸. Общее учреждение министерств от 25 июня 1811 г. требует «точного исполнения» законов²⁹. Александр I в на манифесте о новом образовании Государственного совета от 1 января 1810 г. подчеркивал курс власти «к утверждению и распространению порядка в государственном управлении»³⁰. Монарх в Таможенном уставе по европейской торговле от 14 декабря 1819 г. еще раз обратил внимание и на реализацию презумпции знания закона – «неведением закона никто, российский подданный ни иностранный, оправдываться не может»³¹. Император подтвердил (1802 г.) и неукоснительность требования «все именные императорского величества указы, кроме подлежащих особой тайне, должны вноситься в Сенат от всех

²¹ ПСЗРИ-1. Т. 17. № 12801.

²² ПСЗРИ-1. Т. 16. № 12137. Ст. 4.

²³ ПСЗРИ-1. Т. 16. № 12090.

²⁴ ПСЗРИ-1. Т. 20, № 14592. Ст. 95.

²⁵ ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15379. Ст. 48, 55-56.

²⁶ ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15718.

²⁷ ПСЗРИ-1. Т. 27. № 20372. П. 15.

²⁸ ПСЗРИ-1. Т. 27. № 20676.

²⁹ ПСЗРИ-1. Т. 31. № 24686. § 226, 227.

³⁰ ПСЗРИ-1. Т. 31. № 24064.

³¹ ПСЗРИ-1. Т. 36. № 28030. § 446.

мест и лиц, которым оные даны будут», а последний должен был обеспечить их обнародование³².

Следует обратить внимание и на то, что презумпция знания закона все больше приобретает значения одного из принципов правового регулирования. Так, например, в 1821 г. изданные Комиссией составления законов «Основания Российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи» в их специальном четвертом разделе «О действии и применении законов» определяет положения два положения относительно презумпции знания закона: «Каждый подданный должен стараться иметь точное сведение о законах касающихся до него, и никто неведением закона отговариваться не может» (§ 40); «В особенности обязываются государственные чиновники иметь законы и государственные права в своей памяти» (§ 41)³³.

В 1800-1820-е гг. презумпция знания узаконений чиновниками и подданными, а также подготовка юристов были поставлены в число главных задач развития системы государственной службы. 6 августа 1809 г. последовал указ Александра I «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники», которым была предпринята попытка ввести экзамен на знание узаконений³⁴.

Итак, в период XVIII – первой четверти XIX вв. презумпция знания закона становится одним из средств правового регулирования и получает достаточно четкое закрепление в законодательстве. В деятельности Российского государства просматривается стремление организационно и информационно обеспечить служащих государственного аппарата и подданных правовой информацией, а также создать систему юридической подготовки чиновников. Презумпция знания закона и механизмы обнародования узаконений как основы ее реализации занимают прочное место в законодательной деятельности власти.

3. Презумпция знания закона в законодательстве второй четверти XIX – начале XX вв.

При вступлении на престол Николая I четко обозначил свое намерение усилить режим законности и навести порядок в законодательном массиве, а также обеспечить государственный аппарат и подданных достоверной информацией об изданных законах. На необходимость обязательного доведения до сведения населения узаконений как условие обеспечения знания закона император обращает внимание уже в одном из первых своих указов (от 26 ноября 1825 г.)³⁵. Но главные его усилия были направлены на

решение проблемы систематизации законодательства как основы законности и правопорядка. Создание 31 января 1826 г. II отделения Собственной е.и.в. канцелярии и возложение систематизационных работ на М.М. Сперанского позволило решить проблему в 1826-1832 гг.

Публикация первого Полного собрания законов Российской империи, инкорпорировавшего в хронологическом порядке изданные в 1649-1825 гг. узаконения, представило возможность ознакомления с изданными законодательными актами. Начавшееся выпускаться с 1830 г. второе Полное собрание законов Российской империи включало тексты издаваемых узаконений и стало источником официальной публикации российских законов. На этой базе в 1826-1832 гг. были проведены работы по созданию свода законов Российской империи – официального издания действующих законоположений. 1 января 1833 г. Свод законов был представлен Государственному совету, а 31 января того же года о его издании и обнародовании известил манифест Николая I с введением в действие данного акта систематизации законодательства с 1 января 1835 г. В рамках свода законов были созданы Основные государственные законы Российской империи, которые системно изложили и положения о презумпции знания законов и механизмах ее реализации³⁶. Последующие редакции Основных законов 1842, 1857, 1886, 1892 и 1906 гг. их не изменили.

Презумпцию знания законов необходимо рассматривать в контексте закрепления в Основных государственных законах принципа законности как основы деятельности государства и жизни подданных. Ст. 47 указывала – «Империя российская управляется на твердых основаниях положительных законов, уставов и учреждений, от самодержавной власти исходящих». Это положение подчеркивало, как указывал А.Д. Градовский, «юридический, правомерный характер русского государственного устройства, в отличие его от форм произвольных, деспотических», а из этого «само собой вытекает правило, что воля верховной власти получает для граждан обязательную силу только с момента выражения ее в форме общего закона. Закон определяет как содержание прав власти, так и обязанностей подданных. У органов власти нет тайных прав, как у граждан нет тайных обязанностей»³⁷.

Презумпция знания закона в Основных государственных законах вошла в систему нормативно-правовых предписаний, включенных в подраздел «Об исполнении и применении закона» (ст. 62-71). Непосредственно сама же презумпция правознакомства была прописана в ст. 62: «Никто не может отговариваться неведением закона,

³² ПСЗРИ-1. Т. 27. № 20405.

³³ Основания Российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи. СПб., 1821. § 40-41.

³⁴ См.: ПСРИЗ-1. Т. 30. № 23771.

³⁵ ПСЗРИ-1. Т. 40. № 30590.

³⁶ См.: Основные государственные законы Российской империи // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1. Ч. 1.

³⁷ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб., 1875. Т. 1. С. 3.

когда он был обнародован установленным порядком». Это положение не только выступало в качестве принципа правового регулирования, но и обеспечивало требование к государству официально публиковать узаконения, что закрепляла ст. 63 – «Закон, в надлежащем порядке обнародованный, должен быть свято и ненарушимо исполняем всеми и каждым, как подданными, так и иностранцами, в России пребывающими, поколику то до них принадлежать может, без различия званий, чина и пола». Данная статья также требовала, чтобы были реализованы и «правила, изложенные в Своде уголовных законов и в разных уставах, о наказаниях за нарушение законов».

Одновременно Основные государственные законы определяли и порядок доведения узаконений до сведения служащих государственных органов и подданных. В ст. 56 указывалось, что «общее хранение законов полагается в Правительствующем сенате» и «посему все законы, хотя бы они содержались в именных повелениях, данных особенно какому либо лицу или месту, должны быть от тех мест и лиц вносимы в списки в Правительствующий сенат», а также содержало «общее распоряжение, по коему велено со всех именных высочайших указов, кроме подлежащих особой тайне, вносить списки в Правительствующий сенат». При этом сохранялась практика издания секретных узаконений. Основные государственные законы в редакции 1906 г. отменили возможность издания секретных законов³⁸.

Ст. 57 Основных государственных законов требовала доведения узаконений для субъектов права: «Законы общие, содержащие в себе новое правило, или пояснение, дополнение, либо отмену прежних законов, обнародуются во всеобщее известие Правительствующим Сенатом». Примечаниями к данной статье устанавливались определенные стадии обнародования узаконений. На первой стадии «закон предается от Сената тиснению, сообщается Святейшему Синоду и посылается присутственным местам и лицам при указании по установленной для сего форме» (прим. 1). Далее подчеркивалось, что «министры сами собою не приводят в действие никакого нового общего закона, не предъявив его в списке Правительствующему сенату и не получив от него указа для дальнейших распоряжений» (прим. 2). Это подчеркивало роль Сената как «хранилища законов» и органа, обеспечивающего законность в государственном управлении. Согласно ст. 58, на местном уровне «обнародование закона в губернии принадлежит токмо губернскому правлению», и «он обнародывается без всякого сокращения, а тем паче изменения». Следует учитывать и то, что сроки вступления в юридическую силу объемных законодательных актов и актов систематизации законодательства, имеющих слож-

ное содержание, включало более продолжительный срок для ознакомления и, соответственно, определение разрыва во времени между опубликованием и началом действия узаконений. Так, например, Свод законов Российской империи был опубликован 31 января 1835 г., а вступил в силу 1 января 1835 г., а Уложение о наказаниях и исправительных соответственно 15 августа 1845 г. и 1 мая 1846 г. Эта «совокупность правил, касающихся порядка составления и обнародования закона, – подчеркивал А.Д. Градовский, – имеет одну общую цель: определить при каких условиях распоряжение, исходящее от государственной власти, может иметь обязательную силу закона»³⁹. Характерно и замечание государствоведа А.С. Алексева, что «только с момента объявления получает силу и то начало, по которому никто не может оправдывать своих беззаконных действий ссылкой на то, что он не знает закона»⁴⁰.

Государство начинает уделять внимание оперативности обеспечения служащих и подданных правовой информацией. 22 декабря 1862 г. император утвердил мнение Государственного совета «Об издании особого Собрания узаконений и распоряжений правительства при Сенатских ведомостях и о некоторых изменениях в составе сих ведомостей», в котором предписывалось «помещать все манифесты, высочайшие повеления, указы Сената, трактаты и постановления, имеющие силу закона и подлежащие впоследствии внесению в Полное собрание законов Российской империи»⁴¹. С 1 января 1863 г. для публикации узаконений стало издаваться «Собрание узаконений и распоряжений правительства» как приложение к Сенатским ведомостям, которое выходило в свет по мере накопления законодательного материала.

Свод законов содержал четкое требование к знанию законов государственными служащими. Свод уставов о службе гражданской (1832 г.) в ст. 610 определял, что «всякий служащий должен поставить себе в непрременную обязанность ведать все уставы и законы государственные и содержать их в нерушимой сохранности, яки первый и главный предмет, от которого зависит правое и благонамеренное управление всех дел; закон, запрещающий всем вообще поданным отговариваться неведением законов, преимущественно подтверждается в отношении к лицам, состоящим в государственной службе»⁴². Последующие его переиздания неизменно подтверждали это требование.

Уголовное законодательство также начинает уделять более четко выраженное внимание вопросам реализации презумпции закона. Свод законов уголовных, вошедший в Свод законов Российской империи 1832 и 1842 гг. изд.,

³⁹ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. С. 11.

⁴⁰ Алексеев А.С. Русское государственное право. М., 1897. С. 262.

⁴¹ ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 2. № 39070.

⁴² Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 3. Кн. 1.

³⁸ См.: Шалланд Л.А. Русское государственное право. Юрьев, 1908. С. 252.

предусмотрел ответственность как собственно нарушения законодательства, так и специально выделил составы правонарушений в главе «О наказаниях за препятствия в обнародовании законов». За такие деяния устанавливалась ответственность за умышленное уничтожение, изменение содержания указов, «присланных для объявления или выставленных для сего в определенном месте». Наказание назначалось самое суровое после смертной казни – лишение всех прав состояния, наказание кнутом и ссылка в каторжную работу⁴³. С изданием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (как и редакции 1866 и 1885 г.) указанные составы были определены в блоке составов преступлений «О самовольном присвоении власти и о составлении подложных указов или предписаний и других исходящих от правительства бумаг», которым устанавливалась ответственность за составление подложных указов, манифестов, грамот, рескриптов, исходящих от правительства и императора, их подчистку, поправку, использование их в преступных целях. Виновный подлежал наказанию: лишению всех прав состояния, ссылке на каторжные работы в рудниках бессрочно, наказание плетью с наложением клейм⁴⁴.

Необходимо обратить внимание и на то, что уголовное законодательство в определении вопросов, связанных с презумпцией знания уголовного закона, специальных положений в данном отношении не содержало и исходило из общей правовой регламентации данного вопроса Основными государственными законами. Но при этом презумпция правознакомства она получила своеобразную криминалистическую модификацию и рассматривалась как «презумпция знания угрозы закона». Из смысла ст. 175 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. она распространялась и на иностранцев – «Иностранцы, в России жительствующие или временно в оной пребывающие, подлежат действию законов о наказаниях уголовных и исправительных на том же основании, как и подданные российские, если о каком-либо из сего изъятия не сделано особенного постановления в договоре с тою иностранною державою, у коей они находятся в подданстве».

Практика рассмотрения уголовных дел в Уголовном кассационном департаменте Правительствующего сената способствовала формированию принципа реализации презумпции знания закона – «неведение закона не уничтожает ответственности»⁴⁵. В решениях Кассационного департамента были выражены принципиальные положения относительно презумпции знания уголовного закона: (1) «Для привлечения к уголовной ответственности вполне

⁴³ Свод законов уголовных // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 15. Ч. 1. ст. 232-234.

⁴⁴ ПСЗРИ-2. Т. 20. Отд. 1. № 19283. Ст. 319-322.

⁴⁵ Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. СПб., 1887 Вып. 1. С. 10.

достаточно запрещения проступка в законе, а вовсе не требуется особого объявления о том обвиняемому, так как, на основании ст. 62 законов основных, «никто неведением закона отговариваться не может»; (2) «Самая неразвитость и неграмотность подсудимого не могут служить основанием для извинения незнания закона, так как принимаясь за какую-либо определенную деятельность, всякий обязан знать все постановления, какие изданы и обнародованы по отношению к этой деятельности»; (3) «Уменьшение уголовной ответственности по неведению подсудимым закона, а тем более освобождение по этому поводу от наказания, составляет существенное нарушение статьи 62 основных законов»⁴⁶.

Итак, получив закрепление в Основных государственных законах Российской империи, презумпция правознакомства обеспечивается организационно-правовыми механизмами обнародования, публикации и систематизации узаконений, что способствовало ее реализации как средства правового регулирования. В указанный период в «праве, – как подчеркивает С.А. Корф, – твердо установился принцип, согласно коему никто не может отговариваться незнанием законов, а потому законодательная норма может вступать в действие лишь с момента оповещения народа»⁴⁷.

* * *

Презумпция знания, таким образом, в правовом развитии России становится одним из средств правового регулирования и получает достаточно четкое закрепление в законодательстве. Пройдя развитие от первых требований к знанию и соблюдению законов при формировании российской правовой системы стали складываться предпосылки, в XVII-XVIII вв. презумпция знания закона занимает важное место в правовом регулировании и обеспечении законности. С изданием Основных государственных законов Российской империи в 1832 г. до 1917 г. данная презумпция для подданных и государственных служащих, как и организационно-правовое оформление механизмов ее реализации и обеспечения, выступала одним из основных начал и требований.

Библиография:

1. Алексеев А.С. Русское государственное право. М., 1897.
2. Андреевский И. Русское государственное право. СПб.-М., 1866. Т. 1.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1905.

⁴⁶ Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. СПб., 1887 Вып. 1. С. 10.

⁴⁷ Корф С. А. Русское государственное право. М., 1915. Ч. I. С. 262.

4. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб., 1875. Т. 1.
5. Грибовский В.М. Древнерусское право. Пг., 1915. Вып. 1.
6. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России. М., 1869.
7. Загоскин Н.П. Курс истории русского права. Казань, 1906. Т. 1.
8. Иллюстров И.И. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, 1904.
9. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. М., 1980.
10. Корф С. А. Русское государственное право. М., 1915. Ч. 1.
11. Самоквасов Д.Я. Лекции по истории русского права. М., 1896. Вып. 2.
12. Самоквасов Д.Я. Русские архивы и царский контроль приказной службы в XVII в. М., 1902.
13. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910.
14. Строев В. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 году. СПб., 1833.
15. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. СПб., 1887. Часть общая. Вып. 1.
16. Числов П.И. История русского права московского и петербургского периодов. М., 1902.
17. Шалланд Л.А. Русское государственное право. Юрьев, 1908.
18. Уложение. 29 января 1649 г. // ПСЗРИ-1. Т. 1. № 1.
19. Именной указ «О сочинении во всех приказах проектов для пополнения уложения и новоказных статей». 6 июня 1695 г. // ПСЗРИ-1. Т. 3. № 1513.
20. Именной указ «О заседании в государевых палатах боярам для учинения свода уложения и всех указов после того состоявшихся». 18 февраля 1700 г. // ПСЗРИ-1. Т. 4. № 1765.
21. Именной указ, объявленный из Сената, «О обнародовании всех именных указов и сенатских приговоров по государственным генеральным делам». 16 марта 1714 г. // ПСЗРИ-1. Т. 5. № 2785.
22. Устав воинский. 30 марта 1716 г. // ПСЗРИ-1. Т. 5. № 3006. Преамбула.
23. Именной указ Сенату «О рассылке книг Воинского устава по корпусам войск, по губерниям и канцеляриям и о принятии его в основание как по делам воинским, так и земским». 10 апреля 1716 г. // ПСЗРИ-1. Т. 5. № 3010.
24. Именной указ «О должности Сената». Декабрь 1718 г. (точная дата не указана). // ПСЗРИ-1. Т. 5. № 3264.
25. Сенатский указ «О внесении в Сенат копий со всех именных указов, которые состоятся в коллегиях и прочих присутственных местах». 11 мая 1719 г. // ПСЗРИ-1. Т. 5. № 3372.
26. Именной указ, объявленный из Канцелярии полицеймейстерских дел, «О наказании за преступление против опубликованных указов». 9 февраля 1720 г. // ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3510.
27. Именной указ «О разделении указов на временные и ко всегдашнему наблюдению издаваемые и о напечатании сих последних». 29 апреля 1720 г. // ПСЗРИ-1. Т. 4. № 3574.
28. Именной указ «О хранении прав гражданских, о нерешении дел против регламентов, о невыписывании в докладе что уже напечатано и о имени сего указа во всех судных местах на столе, под опасением штрафа». 17 апреля 1722 г. // ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3970.
29. Именной указ «О должности Сената». 27 апреля 1722 г. // ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3978.
30. Именной указ, объявленный из Сената «О сообщении коллегиями и канцеляриями именных указов в Сенат». 14 мая 1723 г. // ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4224.
31. Именной указ «О важности государственных уставов и неотговорке судьям неведением законов по производимым делам под опасением штрафа». 22 января 1724 г. // ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4436.
32. Именной указ, объявленный из Сената, «О присылке в Сенат из всех присутственных мест копий с указов, состоявшихся до учреждения Сената и подлежащих ко всегдашнему наблюдению». 10 августа 1724 г. // ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4547.
33. Сенатский указ «О должностях коллежских чинов и служителей». 25 сентября 1724 г. // ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4572.
34. Именной указ, объявленный из Сената, «О признании публикуемых указов действительными, когда они будут печатные». 17 марта 1764 г. // ПСЗРИ-1. Т. 16. № 12090.
35. Наставление губернаторам. 21 апреля 1764 г. // ПСЗРИ-1. Т. 16. № 12137.
36. Именной указ, данный Сенату, «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения нового Уложения, и о выборах в оную депутатов». 14 декабря 1766 г. // ПСЗРИ-1. Т. 17. № 12801.
37. Учреждения для управления губерний всероссийских. 7 ноября 1775 г. // ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14592.
38. Устав благочиния или полицейский. 8 апреля 1882 г. // ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15379.
39. Сенатский указ «О признании действительными только таких указов и манифестов, кои публикуются от наместнических правлений печатными листами». 2 мая 1783 г. // ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15718.
40. Именной указ, данный Сенату, «О непреступлении губернаторами пределов власти, назначенной им законами». 16 августа 1802 г. // ПСЗРИ-1. Т. 27. № 20372.
41. Именной указ, данный Сенату, «О правах и обязанностях Сената» 8 сентября 1802 г. // ПСЗРИ-1. Т. 27. № 20405.

42. Указ, данный Сенату, «О неприкосновенности прав, представленных дворянству». 21 марта 1803 г. // ПСЗРИ-1. Т. 27. № 20676.
43. Именной указ, данный Сенату, Александра I «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники». 6 августа 1809 г. // ПСРИЗ-1. Т. 30. № 23771.
44. Образование Государственного совета. 1 января 1810 г. // ПСЗРИ-1. Т. 31. № 24064.
45. Общее учреждение министерств. 25 июня 1811 г. // ПСЗРИ-1. Т. 31. № 24686.
46. Таможенный устав по европейской торговле. 14 декабря 1819 г. // ПСЗРИ-1. Т. 36. № 28030.
47. Сенатский указ «О объявлении всем владельцам, с подписками, мнения Государственного совета о означении места жительства просителей в присылаемых ими прошениях». 26 ноября 1825 г. // ПСЗРИ-1. Т. 40. № 30590.
48. Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 г. // ПСЗРИ-2. Т. 20. Отд. 1. № 19283.
49. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об издании особого Собрания узаконений и распоряжений правительства при Сенатских ведомостях и о некоторых изменениях в составе сих ведомостей». 22 декабря 1862 г. // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 2. № 39070.
50. Основания Российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи. СПб., 1821.
51. Основные государственные законы Российской империи // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1. Ч. 1.
52. Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 3. Кн. 1.
53. Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 15. Ч. 1.

References (transliteration):

1. Alekseev A.S. Russkoe gosudarstvennoe pravo. M., 1897.
2. Andreevskiy I. Russkoe gosudarstvennoe pravo. SPb.-M., 1866. Т. 1.
3. Vladimirskiy-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. Kiev, 1905.
4. Gradovskiy A.D. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. SPb., 1875. Т. 1.
5. Gribovskiy V.M. Drevnerusskoe pravo. Pg., 1915. Vyp. 1.
6. Dyubernua N.L. Istochniki prava i sud v Drevney Rossii. M., 1869.
7. Zagoskin N.P. Kurs istorii russkogo prava. Kazan', 1906. Т. 1.
8. Ilyustrov I.I. Sbornik rossiyskikh poslovits i pogovorok. Kiev, 1904.
9. Man'kov A.G. Ulozhenie 1649 goda – kodeks feodal'nogo prava Rossii. M., 1980.
10. Korf S. A. Russkoe gosudarstvennoe pravo. M., 1915. Ch. 1.
11. Samokvasov D.Ya. Lektsii po istorii russkogo prava. M., 1896. Vyp. 2.
12. Samokvasov D.Ya. Russkie arkhivy i tsarskiy kontrol' prikaznoy sluzhby v XVII v. M., 1902.
13. Sergeevich V.I. Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava. SPb., 1910.
14. Stroev V. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie Ulozheniya, izdannogo tsarem Alekseem Mikhaylovichem v 1649 godu. SPb., 1833.
15. Tagantsev N. S. Lektsii po russkomu ugolovnomu pravu. SPb., 1887. Chast' obshchaya. Vyp. 1.
16. Chislov P.I. Istoriya russkogo prava moskovskogo i peterburgskogo periodov. M., 1902.
17. Shalland L.A. Russkoe gosudarstvennoe pravo. Yur'ev, 1908.